

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий Большаков

ПОЛИТРУК
На Ржевском выступе

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Большаков, Валерий Петрович.

Б79 Политрук. На Ржевском выступе / Валерий Большаков. — Москва : Эксмо : Яуза, 2022. — 320 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-04-168706-9

Антон Лушин, простой работника и поисковик, отправляется в очередную экспедицию для розыска тел павших красноармейцев. На месте массовой гибели людей от вражеской воздушной бомбардировки Антон видит прозрачную завесу, через которую проникает в прошлое, в самый разгар боев за Ржев весной 1942 года.

Выдавая себя за однофамильца — политрука, погибшего при атаке «Мессершмитта», Лушин отправляется на передний край. А там идут тяжелейшие бои за Ржевский выступ, где Красная Армия несет огромные потери.

Сумеет ли политрук из будущего переломить ход боевых действий хотя бы на участке своей роты? Или для изменения истории достаточно всего лишь сохранить жизни доверившихся ему бойцов?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168706-9

© Большаков В.П., 2022
© ООО «Издательство «Яуза», 2022
© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

*Четверг, 9 мая 2019 года. Утро
Москва*

Ровно в десять я занял место на углу Нового Арбата и Новинского бульвара, как нынче принято обзывать проспект Калинина с улицей Чайковского. Отсюда лучше всего видна военная техника, едущая обратно с парада — чистая, ухоженная, грозная. Даже лимузин министра обороны тут заворачивает. Говорят, успели-таки собрать «Аурус» для Шойгу. Машинка хорошая, только малость безликая — зря отказались от молдингов в духе «ЗиС-110»! Но все равно интересно глянуть.

Нет, можно, конечно, поглазеть на «Искандеры» с «Арматами» и до парада на Красной площади, но тогда придется вставать в шесть утра. А на трибуны у кремлевской стены не попадешь без пригласительного. Да не очень-то и хотелось! Терпеть не могу все эти дурацкие загородки, стыдливо прикрывающие Мавзолей.

Вообще, странно как-то выходит — гневно обличаем Запад в искажении нашей истории, а сами заплываем прошлые идеалы, шарахаемся от гордого определения «советский», как микроб от антибиоти-

ка. А уж эти мне сериалы «про войну»... У них в корне иное слово — не «серия», а «высер». Срамота.

Сощурившись, я огляделся.

Любопытствующих мало пожаловало, так что мне достался первый ряд. Верней, все подались не туда — техника станет выворачивать на встречу, и надо забивать места по внешней стороне Садового. А москвичи разве догадаются?..

В пол-одиннадцатого зарокотали мощные моторы, и поперла Сила — танки, броники, тягачи... Эпос!

Проводив взглядом последний клокочущий «Ярс», я отправился бродить по Москве. Люблю этот взбалмошный город! Хотя и запакостили его «продажники», повешали рекламы, испоганили «точечной застройкой», а «столица Страны Советов» все равно жива еще — убери наносное, и тебе откроется истинное величие.

Я, правда, родился в тот самый бедственный год, когда «верные ельцинцы» слили нашу сверхдержаву, так что не довелось мне комсомольский значок поносить или хотя бы пионерский галстук. А все равно мне СССР ближе и родней, чем РФ. Ну, вот такой я — «новый совок».

Этим либеральным ругательством меня как-то «пригвоздили», даже не понимая смысла сказанного. Советскому человеку было чем гордиться, а «дорогому россиянину» что прикажете делать? Каяться и терпеть? Или ждать, пока Россия снова не сплотит союз нерушимый, а всяких горбачевых-собчаков-навальных-каस्याновых спустит в унитаз истории? Лично я жду. И надеюсь.

А иначе мы с дурацкими шуточками-прибауточками, с веселым гоготом анацефалов пройдем всю дорогу в никуда. И останется нам пиццеварить, сношаться и радостно бляеть за свободу и демократию. Гаме овер, дорогие товарищи...

Нагуляв аппетит, я обстоятельно пообедал в «Му-му», а где-то к полтретьему выбрался на Маяковку, запруженную народом. Прошел пугающую рамку металлодетектора и слился с миллионной нарядной толпой. Это я тоже планировал — пройтись в рядах «Бессмертного полка».

Конечно, когда ты шагаешь со всеми вместе, в одном горестном строю, то не представляешь истинный масштаб действия, не видишь этой человеческой реки, великой армии тех, кто ничего и никого не забыл. Помню, смотришь на экран, где покачиваются тысячи, сотни тысяч черно-белых фотографий — и слезы наворачиваются. Скольких же мы потеряли, боже ж ты мой...

Миллионы лучших ушли в небытие. Лучших коммунистов, комсомольцев и просто достойных, беспартийных работяг, взявших винтовки в свои мозолистые руки. Не будь войны, они бы учились, работали и ни за что не позволили бы развалить страну, не дали бы растащить ее народное хозяйство. Выходит, распад СССР начался не в девяносто первом, а полувеком ранее — летом сорок первого года...

Прицепив на лацкан «колорадский» бант из георгиевской ленточки, я мерно зашагал, подчиняясь общему движению. Разноголосое шумство плыло, как фон, озвучивая людской ход, и я уловил мощную вол-

ну эгрегора¹. Подобное ощущается в старых храмах, в намоленных пристанищах божественных тайн — век за веком мириады верующих припадали к светлым образам и как бы оставляли в церквях следы своих «Я», пропитывая косный камень верой, надеждой и любовью.

Чувствовать эту эманацию, отдающую мистическим жаром, слышать множественное эхо душ, ушедших и ныне живущих, дано не всякому. Ну, а я сподобился-таки. Угораздило родиться экстрасенсом.

Это еще в детстве началось. Однажды, будучи в деревне у бабушки, мы с отцом отправились по грибы. Набрали полные корзины упитанных боровиков да бравых подосиновиков, а когда двинулись обратно, во мне словно какой тормоз сработал — не доходя до шумливого ручья с горбатым мостиком, я остановился сам и ухватил за руку отца. Меня будто окатило всего — не страхом даже, а изнуряющим, томительным предощущением несчастья. У Тютчева есть строка — «созвучье полное в природе», а тогда я будто слышал фальшивую ноту, режущую ухо. Стройное согласие мира вокруг портил уродливый изъян, суть которого ускользала от понимания малолетки.

— Ты чего? — удивился отец, порываясь идти.

— Стой! — просипел я, хватаясь за его сильную руку. — Туда нельзя!

— Да почему? — начал сердиться папа.

¹ Эгрегор — энергоинформационная структура, возникающая из сонаправленных мыслей и эмоций группы людей, объединенных общей идеей или стремлением, и вызывающая психодинамический резонанс.

И тут нам обоим был дан ответ. Сразу за ручьем вздрогнуло старое раскидистое дерево. Оно стало беззвучно клониться и падать, медленно, как во сне, пока с грохотом не рухнуло на тропу, стегая мосток гибкой верхушкой.

— Вот это ничего себе! — выдохнул отец, бледнея. — А я ничего даже не заметил! Молодец, сына!

Я не стал разубеждать его. Лучше пусть верит в мой обостренный слух или наблюдательность, чем в паранормальные способности — сомнительное поприще, где подвизаются шарлатаны да пройдохи.

Мой неожиданный дар докучал мне не слишком. Напротив, я всегда отыскивал самые грибные и ягодные места, а удочку забрасывал лишь на крупную рыбу. Баба Аня жила в глухом углу Новгородчины, где в войну шли ожесточеннейшие бои, и я не раз обходил опасные места в лесу, чуя притаившиеся мины или неразорвавшиеся снаряды. А в старших классах вся эта нелюбимая экстрасенсорика спасла мне жизнь.

Как-то наш военрук, пожилой капитан в отставке, вещал девятому «А» об устройстве гранаты «РГД-5» и показывал ее учебную копию. Все глядели с большим интересом, только я один вздрагивал от знобкого холодка, что проскальзывал по хребту. Я сидел на первой парте у окна, с заносчивой, но хорошенькой Светкой Мальцевой. Она, помню, шипит недовольно: «Чего ты ерзаешь?», а мою центральную нервную вспарывает знакомое ощущение — слома мировой гармонии. Стоило же военруку выдернуть чеку и отпустить рычажок, как я сорвался с места.

С криком «Нет!» вырвал у него гранату и запустил в окно. Стекло с жалобным звоном осыпалось на подоконник, брызгая сверкающими прозрачными лезвиями. Все ошалели, а я заорал: «Ложись!»

Светку за плечи схватил, пригнул резко, чтоб не посеколо осколками. Девушка задушенно пискнула, кто-то вскочил, военрук открыл рот — и тут на счет «четыре» муляж гранаты взорвался. Бабахнуло так, что вышибло все стекла, а шторы выдуло в класс, как шквалом паруса. Визгу было, криков...

У военрука кровь течет по белому лицу, а он трясется, как панночка из «Вия», да повторяет всё: «Б-боевая... Она б-боевая...»

Скандал вышел изрядный. Правда, так и осталось неясным, что за коекакер или вредитель передал школе взрывоопасное «наглядное пособие». Хорошо еще, никого серьезно не задело. А не сработай мое чутье, попал бы я в зону разлета...

Тут меня чувствительно пихнули в спину, обрывая воспоминания, и сразу донесся надтреснутый голосок — Извините, молодой человек...

Обернувшись, я увидел седую бабуся в аккуратном джинсовом костюмчике. Фотографию своего солдата она несла у плоской груди, как икону. Глянув на снимок, я испытал потрясение — буквальным образом меня даже качнуло. Чудилось, сердце дало сбой. Старушка несла мое фото! Черно-белое, подкрашенное ретушью...

Да, в гимнастерке, да, с тремя «кубарями» в малиновых петлицах¹. Но это был я! Темные волосы, за-

¹ Знаки различия политрука. Соответствует званию старшего лейтенанта.

чесанные назад, как у меня, и форма ушей такая же, и носа, и губ! Те же глаза, те же упрямые складки в уголках рта. Даже родинка на левой щеке присутствовала!

И, как контрольный выстрел, надпись под портретом большими четкими буквами: «Антон Иванович Лушин». Мои «паспортные данные»...

Джинсовая бабушка подняла на меня глаза. Страшно побледнев, она пошатнулась, роняя фотографию. Одной рукой поймав ламинированный снимок, другой я подхватил старушку.

— Это не он! — ляпнул сдуру. — Это не я!

— Тося... — жалобно простонала бабушка. — О господи... Вы до того похожи на Тосю! Копия просто!

— Да уж! — буркнул я, мрачняя.

Мы продолжили путь, чтобы не мешать «однополчанам», а охавшая старушенция отобрала у меня портрет.

— Как вы себя чувствуете? — покосился я на нее, с трудом собирая мысли обратно в опустевшую голову.

— Нормально... — боязливо вздохнула бабушка — не кольнет ли сердчишко. — Позвольте... Сколько вам лет?

— Двадцать семь, — не стал я скрывать.

— Надо же... — горестно покачала головой моя нечаянная спутница. — Антону было двадцать восемь в сорок втором... Он погиб через неделю после своего дня рождения.

«Все чудесатее и чудесатее...» — подумал я и кисло поинтересовался вслух:

— Антон родился в июле?

— Да, девятнадцатого числа, — мелко закивала старушка. — Он как раз училище заканчивал, Военно-политическое, и ко мне забежал на каких-то полчаса. Я заварила чаю, Тося выложил, как пирог, полбуханки настоящего хлеба — душистого, теплого еще... Да, это был праздник!

— Антон — ваш жених? — осторожно поинтересовался я, чувствуя, что безумие уже рядом, за спиной, жарко дышит в затылок.

— Ах, что вы, что вы! — всплеснула бабуся худыми ручками, махнув портретом, словно опахалом. — Он мой брат! — И затрясла головой: — Ох, ну до чего же вы похожи, сил нет!

— Все куда хуже, — криво усмехнулся я. — Простите, как вас величать?

— Дарья Ивановна Стоцкая, — церемонно представилась сестра «двойника». — Лушина — моя девичья фамилия.

— Все куда хуже, любезная Дарья Ивановна, — медленно заговорил я. — Меня тоже зовут Антон Иванович Лушин, и я родился девятнадцатого июля.

Стоцкая прикрыла рот ладошкой.

— Так не бывает... — пролепетала она растерянно.

— Я тоже так думал, — невесело хмыкнул я. — До сегодняшнего дня. А какие-нибудь особые приметы были у вашего брата? Ну, там, шрамы или татушки?

— Татушки? — растерялась старая. — А-а, татуировки! Да-да-да! Тося еще в школе наколол себе вот здесь, на левом предплечье, имя «Катя». Потом, правда, он едва мог вспомнить эту свою первую пассию,

но память осталась на всю жизнь... Жизнь, да... — вздохнула она. — А! И еще у Тоси был страшный шрам на ноге, ниже колена — в детстве сильно поранился косой.

— Понятно... — протянул я. — Ну, у меня такого точно нет. Скажите, Дарья Ивановна, а фотографии ваших родителей сохранились?

Сначала, похоже, она не поняла, а потом часто закивала.

— Да-да-да! Пойдемте... Антон! — заторопилась Дарья Ивановна. — Надо же разобраться, вы правы. Если это совпадение, то что тогда чудо?

Жила Лушина-Стоцкая неподалеку от Пушкинской, в скромной квартире на третьем этаже старого, дореволюционного еще дома с толстенными стенами и высоченным потолком. По дороге я вызнал у Дарьи Ивановны некоторые семейные секреты. Они и успокоили меня немного, и раззадорили. Выяснилось, что мать Антона звали Лидией, а не Натальей, как мою маму, да и родился «двойник» в Москве. Я же появился на свет в Ленинграде, обозванном Санкт-Петербургом за год до первой моей «днюхи».

В квартире Стоцкой застоялась тишина, лишь настенные часы с малахитовыми колонками мерно отбивали секунды. До блеска натертый паркет, старинная мебель из красного и вишневого дерева, бронзовая люстра с хрустальными подвесками, позванивавшими на сквознячке — во всем чувствовались достаток и прилежный уход. По комнатам блуждали, причудливо мешаясь, легкие запахи ванили и валерьянки.

Закрыв могучую входную дверь, Дарья Ивановна шустро разулась и просеменила в гостиную. Привстав на цыпочки, она достала с верхней полки книжного шкафа пухлый фотоальбом в золотисто-желтой бархатной обложке и бережно опустила его на большой овальный стол, застеленный камчатной скатертью.

— Вот! — выдохнула «баба Даша», пролистнув пару картонных страниц с прорезями. — Это моя мама, а вот они с отцом на свадьбе.

Я внимательно присмотрелся к большому, малость пожелтевшему фото. Иван Лушин отдаленно смахивал на моего отца, но вот его жена ни капли не походила на маму. И слава богу.

— А как его звали, Дарья Ивановна?

— Иван Романович! Он погиб в сорок первом...

Я приободрился — моего деда крестили Михаилом. Мы просмотрели весь альбом, пока не дошли до пожелтевших открыток и выцветших писем.

— Это от Тоси... — вздохнула Стоцкая. — Боевой такой был... Его даже Мальчишом-Кибальчишом прозвали. Видите, подписался? «Твой Мальчиш»...

Глянув на бледные строчки, я сжал губы — мой почерк! А Дарья Ивановна развела суету — вскипятила чай, достала утрешний пирог с ягодой. Отказываться я не стал — уж больно падох на выпечку.

— Скажите, а где погиб ваш брат? — спросил, отдуваясь после второй чашки.

— Ох, Тося даже до места службы не доехал! — завдыхала Дарья Ивановна. — Это где-то в Калининской области, около Волги — там она совсем еще узенькая. Его направили в 718-й полк 139-й дивизи-

зии — долго я эти цифры заучивала... Из Калинин-на Антон добирался до линии фронта на штабной «эмке» — он и еще ротный из того самого полка... Андрей Павлов, если мне память не изменяет. Да-а... А тут налет! «Юнкерс» сбросил огромные бомбы, они взорвались, и «эмка» как ехала, так и скатилась в воронку, но внутри уже не осталось живых — «Мессершмитт» выпустил по машине очередь из пулемета... — Вздыхнув, Стоцкая понурилась. — Я все это только после войны узнала. Случайно пересеклась с командиром 718-го стрелкового полка. Вот он мне все и рассказал... Там даже хоронить было нечего, «эмка» долго горела — водитель прихватил в дорогу запасные канистры с бензином! Я потом приезжала на то место несколько раз. Там ручеек протекал, так он заполнил две или три воронки, большие такие, и получилось озерцо. Летом вода в нем прогревается до самого дна. Я даже ныряла, когда совсем молодая была. Однажды рукою раскопала песок на дне, а под ним — ржавая крыша «эмки». Страшно стало, и я быстрее-быстрее наверх! Ох, да что это я все о себе да о себе! Вы-то как, Антон? Работаете? Или учитесь?

— Я-то? — Мне захотелось почесать в затылке. — Ну, что вам сказать? Хвастаться особо нечем, Дарья Ивановна. Балбес потому что. Пытался поступить в институт — не вышло. Пошел служить. После дембеля работал на Севере бурильщиком. Подзаработал, купил двушку в Калининне... в Твери то есть. Устроился в рекламное агентство, но ненадолго — сократили. Думаю опять в Заполярье податься. Хотя... Не знаю. Ну, не нашел я пока что дела по душе! Мне, если чест-

но, куда больше нравится в отпуск уходить. Мы тогда с ребятами в леса подаемся, на места боев. Поисковики мы. Откапываем павших, хороним по-человечески, с салютом, чтобы все, как у людей. Иногда даже узнаем, кто именно погиб. Тогда ищем родственников, пусть знают.

— Хорошее дело, Антон, — серьезно сказала Дарья Ивановна.

— Хорошее, — согласился я. — А жизнь-то проходит... Ладно, спасибо вам, пойду.

— Ох! — подхватила Стоцкая. — Давайте я еще чайку согрею!

— Спасибо, Дарья Ивановна, и так уже булькает, — улыбнулся я. — Скажите, а где именно погиб ваш брат? Где то озеро?

— Ох... Сейчас я атлас...

Достав огромный «Атлас СССР» в коленкоровой обложке, Стоцкая с ходу открыла нужную страницу.

— Вот, смотрите, Антон... Тут я карандашом провела путь 139-й дивизии. Вот, от Калинина на Мялково, Перемирки, дальше... ага, Ворошиловские лагеря... Там у них были полковые учения на тему «Полк в обороне», а на следующий день — «Усиленная стрелковая рота в разведке». Вот, я на полях начеркала... Потом батальонные учения «Наступление стрелкового батальона на...» что? Непонятно записала... А, «на обороняющегося противника»... Так... Ага... Старица, Сафроново, Шалумово-Луговая, Ботнево... Вот! Ботнево! Двадцать второго июля дивизия сосредоточилась в лесу, в районе Ботнево и Теличино, штаб дивизии в Бели... Или в Белях? Ну, неважно! Двадцать третье-

го июля Антон почти уже добрался, куда нужно. Ему совсем немного оставалось! «Эмку» обстреляли на дороге за деревней Старый Рукав, не доезжая моста через речку Бойню. Вернее, не на самой дороге — водитель свернул налево, в лес, но далеко не ушел...

Растолковав мне, на что ориентироваться, Стоцкая захлопнула атлас.

— Хотите... искать, Антон? — тихо спросила она.

— Да, — твердо ответил я, — хочу. Тут какая-то тайна... Какая? И почему она касается меня? Или — зачем?

— Антон... — Старушка зябко повела плечами. — Может, не стоит ворошить прошлое? Я боюсь тайн и... Знаете, у меня нехорошее предчувствие.

— Прорвемся, Дарья Ивановна! — улыбнулся я, после чего поспешил откланяться.

Покинув гулкий подъезд, я глянул, будто вчуже, на дворовую бестолковую суматоху, на вопящую малышня, на мам с колясками. «Прорвемся!» — мелькнула мысль. Чутье экстрасенса подсказывало: все будет хорошо!

Глава 1

*Вторник, 23 июля 2019 года. Утро.
Тверская область, Старый Рукав*

Ровно в семь утра пропел горн дежурного по экспедиции. Подъем!

Я вздохнул, поворочался, потянулся как следует — и вылез из палатки. Ненавижу рано вставать, особенно зимой, когда за окнами темнота и холодина. Но летом светает рано, да и теплынь. В общем, нечего валяться и нарушать дисциплину!

Поисковики уже бродили между просторных армейских палаток, выставленных в рядок. Братья Лукашины в белых штанах абада «танцевали» капозэйру, разогреваясь в спарринге. Сонный Тёма Трошкин брел босиком по траве, скрюченными пальцами расчесывая строптиво топорщившиеся волосы. Спотыкаясь об узловатые корни, вспоровшие дерн, он зевал, с хрустом выворачивая челюсть и демонстрируя притихшему лесу безупречные дужки зубов.

Шутки ради я помахал рукой у Тёмы перед лицом.

— Пора, красавец, проснись! — сказал проникновенно.

— Иди ты... — уныло буркнул Артем. — Поспать не дадут по-человечески...

Он прошлепал к рукомоЙнику, скотчем примотанному к стволу клена, а я бодро пошагал к ручью неподалеку — живой влагой умыться полезней. Навстречу мне попадался народ, возвращавшийся с водных процедур. Ну, особенно людно не было, нас тут всего-то шестнадцать душ, считая повариху.

Зато компания дружная, и нищедухов меж нами нет. Мы не лопочем про скрепы и никого не охватываем патриотическими мероприятиями. Мы ищем героев былых времен — останки тех, кто погиб за эти леса и поля, за чистые воды и синее небо.

Не у всякого хватит сил заглянуть в пустые глазницы черепа со следами истлевшей пилотки! И здесь не страх даже, а мертвящая тоска. Щелчок ржавого затвора «мосинки», глухой стук пробитой каски... Знобящие звуки прошедшей войны словно сращивают два времени, схлопывают пропасть лет. Ты спускаешься в раскоп, как в траншею, где пахнет порохом, дешевым табаком и застарелым потом. «А до смерти — четыре шага...»

...Вставая на колени с краю бережка, я словно поклонялся духу ручья — хорошенько омыл лицо студеной водой, упорно пахнувшей давно сошедшими снегами, и вытерся крохотным вафельным полотенцем. Хорошо!

Проявляя солидарность, запели пичуги окрест, торжественно зашумели стройные сосны и кряжистые дубы. Я вдохнул полной грудью. Не верилось даже, что стоит выйти к недалекой опушке — и завиднеются серые да белые коробочки домов. Деревня. Какая-никакая, а цивилизация.

В Старый Рукав мы редко навевывались, жили автономно, как на подлодке. И правильно: лучшая терапия для задерганного горожанина — пожить на пленэре, в лесу, забравшись в самую глухомань. Тут поневоле растеряешь дурные привычки к беготне да маете, уймешься, чтобы вернуться из отпуска окрепшим, загорелым и просветленным.

Перебивая природные созвучия, донеслось бряканье тарелок — это тетя Таня, всегда добродушная и румяная, спасала экспедицию от голодной смерти. В лесу на худосочных студенток и щуплых блогеров напал свирепый жор — объедались все, даже Крестя, жеманница и стерва. Помню, как ее встретила наша добрейшая повариха: «Какие еще мюсли? Какие смузи? — протянула она ехидным баском. — Борщик будешь лопать, с фасолью и сметаной! Котлетки с толченкой! А вот когда добавки попросишь, значит, всё — здорова!»

Неподалеку засвистели, талантливо выводя мелодию вальса, и я пошел на свист. К таким руладам был способен лишь Пашка Ломов — пятый год подряд мы его выбираем командиром отряда и начальником экспедиции. Он, как Берия, мигом схватывает суть любой проблемы и тут же выискивает оптимальное решение. Вдобавок, как и незабвенный Лаврентий Палыч, Паха тащил на себе сразу кучу дел, ни одного не упуская из виду. Талант!

Я поднырнул под обвисавшую ветку. Ломов, перекашивая лицо в пугающей гримасе, добривал левую щеку, глядявываясь в осколок зеркала, помещенный в развилку. Он, как и я, пользовался опасной брит-

вой — порезаться легко, зато бреет очень чисто, никаким «Жилеттам» и не снилось.

— Привет! — прогундосил командир, аккуратно сводя щетину.

— Здравия желаю!

Ухватившись за крепкий сук, я раз десять подтянулся, с удовольствием ощущая, как расходуется телесная сила. Павел вытерся насухо, брызнул на пальцы одеколоном и пошлепал себя по щекам.

— Сегодня двинем на южный раскоп, — сказал он, благоухая. — Надо будет пройтись вокруг, особенно на самой поляне. С виду вроде все — о'кей, а что там на глубине штыка — неясно.

— Пройдусь, — кивнул я. — ТБ прежде всего!

В здешних суглинках неразорвавшихся снарядов и минометных мин — как изюму в кексе. Поисковики зовут их ВОПами — «взрывоопасными предметами». Казалось бы, пролежав столько лет, проржавев насквозь, ВОПы должны были протухнуть. А они стали еще подлее — взрывчатка от закисленной болотной воды выродилась в пикраты. Только тронь — рванет. И я ищу их, как свинья — трюфели...

Из дубравы «для девочек» показалась Кристина Бернвальд. Наши студентики глядели на нее с обожанием, а по мне, так слегка худовата. Ножки стройные, это верно, и грудь высокая, а вот плечи малость костлявы, как у Анджелины Джоли. Ну, полные руки, вроде тетя-Таниных, я тоже недолюбиваю, мне подавай идеал... Но не обижать же Кристьку!

— Какие де-евочки! — пропел я бархатным голосом.

— Какие ма-альчики! — заулыбалась Кристина.

Вот что лес животворящий делает! До чего надменна была по приезду, высокомерна и холодна, а вот, поди ж ты — встала на путь исправления.

— Антоша, — девушка пристроилась рядом, ловко беря меня под руку, — нужна твоя консультация, как паранорма и экстрасенса...

— Экстраскунса! — ревниво фыркнул Павел.

— Завидовать дурно, — с укором сказал я, и красивые губки Кристи изломались в довольной улыбке.

— С заклятиями ты как — справляешься? — продолжила она.

— Расколдовать кого? — с готовностью спросил я.

— Наоборот! — закутила Бернвальд изящной кистью. — Приворожить!

— Крестя, — хмыкнул я, — зачем? Ты и так кого хочешь пленишь! Вон, наши практиканты за тобой на задних лапках ходят, как цуцики. Отрастят хвосты в процессе деволуции — завиляют!

— Мне они неинтересны, — вздернула Кристина маленький точеный носик. — А ты вообще не поддаешься моим чарам!

Ломов нахмурился, зыряка на меня исподлобья.

— Что-то я не замечал особой нежности в твоих взглядах... — протянул я, щурясь.

— Так ты ж мой друг! — вывернулась дива, подлащиваясь. — Ну как, поможешь? По-дружески?

— На кого приворот? — спросил я деловито.

— На Павлика!

Ломов закаменел лицом, наливаясь темным румянцем.

— А ну вас! — буркнул он. — Говорите всякую ерунду!

Командир живо обогнал нас, удаляясь к лагерю.

— Хулиганишь? — глянул я на Кристину.

— Ага! — призналась барышня и тут же перешла в наступление: — А чего он? Глядит только! Мне этого мало.

— Паша — человек основательный, — выступил я с оправдательной речью. — Это он по работе все разурлит в момент, а на личном фронте — тянучка та еще.

— Так, правильно! — возмутилась Кристя. — А жизнь-то проходит!

Я остановился, узнавая собственные мысли, взял девушку за плечи и внимательно посмотрел ей в глаза.

— Кристинка, — заговорил серьезно, — ты только с Пашкой не играйся. Он если влюбится, то однажды — и на всю оставшуюся. Захочешь богатства — Павел выйдет в миллионеры. Я его знаю! Если появится цель и будет ради кого стараться, он добьется чего угодно.

— Не все такие уж материалистки. — Бернвальд скривила уголок дивного ротика. — И это я со студентами играюсь! Понятно? Надо же как-то развлекаться! Интернет не берется, даже телика нет... А Павлик — он другой. Настоящий, без гнильцы, без этой... гламурной слизи! Ты тоже настоящий, Антошечка, но... Слишком сильный!

— Это ты Мишку Лукашина не видела! — попробовал я отшутиться.

Кристина замотала головой:

— Нет, ты не понял! Миша — силач, он монетки в трубочку сворачивает и подковы гнет, а в тебе, Антошечка, иная сила. Ты можешь людей гнуть — и разгибать!

— И в трубочку скатывать, — проворчал я, чувствуя неловкость.

— Это твой талант, Антоша, — негромко сказала девушка, оставаясь серьезной, — ты станешь или великим человеком, или великим негодяем. Во второе я не верю, но... Понимаешь, мне нужен обычный мужчина, такой, как все!

— Как Павлик... — пробормотал я.

— Да! Но... — Кристина нервно помяла ладони. — Мне кажется, я тебя случайно обидела...

— Нет-нет-нет! — слабо улыбнулся я.

— Ну, задела! — нетерпеливо сказала Бернвальд. — Ты можешь подумать, что я подумала... Уф-ф! Да, ты не такой, как все, но это хорошо! Просто... есть женщины, которые счастливы быть ведомыми, а я ненавижу подчиняться! Хочу быть сверху. — Она покраснела, но оправдываться не стала, сказав с вызовом: — Да, и в этом смысле тоже! А с тобой такой номер не пройдет — я всегда была бы снизу...

— Нет, ну почему же, — плотоядно улыбнулся я, — можно и спереди, спинкой ко мне. На коленках или...

— Антон! — рассердилась Крестя. Но и зарумянилась, а в глазах мало-помалу разгорались опасные темные огонечки.

— Молчу, молчу...

— Вот, сбил меня... — заворчала девушка. Помолчав, покусав губку, она продолжила: — Не знаю, как тебе это объяснить... Конечно, я, как все, хочу счастья, но — маленького, скромного! Счастьяца! Дом, муж, двое детей! Ну, там, машина, дача... И все! Вот ты говорил, Павлик всего может добиться. Нет! Всего добьешься ты, если захочешь! Станешь миллиардером или президентом, или... Да кем угодно! Но вот, поверишь ли, лично мне было бы некомфортно рядом с таким супругом. Как Меланье Трамп! Я думаю, она такая же, как и я. Я с удовольствием прокачусь с мужем в отпуск на море — в Ялту или в Анталья, но не в Монако, чтобы завтракать на личной мегаяхте! Такое не для меня. Рая в шалаше я не хочу, пусть даже с милым, но и терема с дворцом мне даром не надо. Вот! — выдохнула Кристина и, смущаясь своей откровенности, резко сказала: — А, ладно! Забудь!

— Подожди! — Я ухватил девушку за руку, и она не воспротивилась. — Давай я поговорю с Павлом?

— Давай, — обронила Кристя, отворачивая лицо.

А мне вдруг стало жалко эту «стервочку», как звал ее Паша. Пользуясь правами лучшего друга, я обнял девушку за плечи и привлек к себе. Кристина прильнула, шмыгнув носом.

— Просто... — глухо вымолвила она, — если он так и будет молчать, мы разъедемся — и... и все. А сама я никогда не сделаю тот самый первый шаг. Мучиться буду, злиться на всех...

Бернвальд всхлипнула, и меня резануло жалостью.

— Все будет хорошо, — проговорил я, — вот увидишь!

Кристина подняла на меня влажные глаза, привстала на цыпочки и поцеловала.

— Спасибо!

Тут половник застучал по кастрюле, и капитальная тетя Таня трубно оповестила лагерь:

— Завтрака-ать!

— Пошли! — оживился я. — Только держись от меня на пионерской дистанции, а то все наши студюзусы потребуют сатисфакции! Хором!

— Ага, щас! — фыркнула Кристина, решительно беря меня под руку. — Будешь солировать!

Само собой, при виде нашей парочки студенты поскучнели, а Паша уткнулся в тарелку, остервенело ковыряя «геркулес». Насмешливо поглядывая на ревнивцев, я с аппетитом позавтракал, следом за кашей слопав ломоть хлеба с маслом и сыром, да с чаем. Хорошо пошло!

С отсутствующим видом допив компот, Ломов вяло распорядился:

— Студенчество до обеда занимается исследованиями. Особое внимание — «смертникам». Лушин, Бернвальд, Лукашины, Трошкин — на южный раскоп.

Ссутулившись, Павел убрел в лес, а мы бодро двинулись за ним. Миша с Сашей тащили целую охапку лопат, даже Кристина несла заступ на хрупком плече. Один я шагал «безоружным», но у меня иная задача.

Мы прошли совсем немного, метров двести от силы, а очутились в настоящих дебрях. Огромные ели в бородах мха, бурелом, густой подлесок — все прелести южной тайги.

Раскоп открылся неожиданно. Я обогнул раскидистое дерево, и вот он — глубокая канава, вырытая в глинистой почве. Кристину скроет с головой, даже если молодая особа привстанет на цыпочки.

За накопанным валом открывалась обширная поляна в кругу елей и берез. От поляны веяло давней смертью.

— Дальше я сам, — сказал, ступая на гулкие мостки, переброшенные через раскоп.

Спустившись по рыхлой, комковатой глине на поляну, я замер. Прилило горестное отчаяние.

— Что там? — спросил Миша Лукашин почему-то шепотом.

Не отвечая, я медленно обошел лужайку и вернулся к раскопу.

— Они все здесь, — еле вытолкнулось из меня.

— Кто? — охнул Сашка.

— Павшие! Они повсюду... Их тут десятки и десятки...

— Ужас какой... — запричитала Бернвальд.

— Мины? — отрывисто спросил Павел. — Снаряды?

— Чисто.

И началась наша скорбная работа — раскопки по войне. Лопаты осторожно разгребали тонкие слои наносов. Кости и черепа мешались с остатками сопревших шинелей и валенок, мятыми касками, обрывками колючей проволоки, полусгнившими планшетами, ржавыми остовами винтовок и «ППШ». Тела бойцов лежали вповалку, скошенные из пулемета. Вон он, тот холм, с которого велся огонь. Сволочной немецкий дзот.

— Взались! — тускло промямлил Ломов.

* * *

Стоя на коленях, мы с Тёмой осторожно счищали глину с костяка красноармейца, то и дело поглядывая в сторону оплывшего холма. Они все, кто пал здесь, шли в атаку, шли на смерть — вставая под пули, отрываясь от застуженной земли, родной земли, что прятала то в ложбинке, то за кочкой. А я бы так смог?

— Интересно... — прокряхтел Трошкин, выгибая ноющую спину, — а я бы так смог? Политрук кричит: «За Родину! За Сталина! В атаку!», и я встаю... А встал бы?

— Выбора, считай, нет, — сказал я сухо. — Или ползи назад, в дезертиры и трусы, или поднимайся — и вперед, на врага!

Я прикусил губу — на меня опять нахлынули не столь уж давние воспоминания о «двойнике». Какие только архивы не шерстил, но узнал немного.

Два Антона, два Лушиных. Один погиб семьдесят семь лет тому назад, другой жив-здоров. Мы как квантовая суперпозиция...

Вполне возможно, что я зря себя мучаю и никакой тайны нет, а имеет место совпадение. Пусть редчайший, да хоть единственный в истории человечества случай! Вот только как это понять?

Мотнув головой, словно отгоняя назойливые видения, я продолжил выковыривать, отбирать у земли приметы оборвавшейся жизни — настрел позеленевших гильз, пряжки и пуговицы, звездочки с серпом и молотом, бакелитовые медальоны и — маленькое круглое зеркальце. Наверное, молоденькая санитарочка выронила... Это было самым ужасным, самым

тягостным. Я тщательно уводил глаза, боясь поймать отражение. Ладно там, свое, а если из зеркальной, облупленной мути глянет кукольное личико молоденькой санинструкторши со вздернутым носиком и задорными голубенькими глазками?..

Прокопались до самого обеда, а обернешься — нарыли всего-то пяточок. Но боль в натруженных плечах ощущается весомым контраргументом.

— Перерыв! — объявил Ломов, с приятцей выпрямляя ноги. — Обедать пора.

Сложив орудия труда под приметной сосной, мы неторопливо двинулись обратно к лагерю. Павел замешкался, ну и я с ним на пару. Терпеливо дождавшись, пока командир перестанет изображать бурную деятельность, я сказал:

— Поговорить надо.

— Вечером, — буркнул Ломов.

— Сейчас! — отрезал я.

— Ну? — Паха упорно смотрел в сторону.

— Ты до каких пор будешь голову морочить Кристе? — холодно проговорил я. — Что, ко мне ревнуешь? Давай! Сколько там у нас времени до конца отпуска? Неделя? Отлично! Вот и покорчи из себя страдальца или Отелло бледнолицего. Валяй! А потом Кристинка уедет, так и не дождавшись от тебя не то что поступка, а даже слова! И ты больше не увидишь ее. Ни-ког-да. Понимаешь, дурья твоя башка? Вместо двух счастливых людей по земле станут бродить двое несчастных, ты и она, но лишь по твоей вине! Кристя слишком горда, чтобы подойти первой, а тебе что, трудно побыть мужиком?

Было забавно наблюдать за лицом Ломова. Нарочитая бесстрастность облезала, выдавая то гнев, то обиду, то растерянность.

— Ты же... — пролепетал командир. — Вы же...

— Мы же! — передразнил я его. — Мы с Кристей друзья. Надеюсь, надолго. Потребуется свидетель на свадьбе — я готов. Только боюсь, если ты продолжишь себя вести как обиженный юнец, до ЗАГСа дело не дойдет.

Внезапно обессилев, Ломов плюхнулся задом на рыхлую землю. Покачал головой, будто контуженый.

— Что ж я за дебилоид? — простонал он.

— Обыкновенный, — определил я. — Ладно. Чего расселся? Пошли, обедать пора.

Кряхтя, Павел стал подниматься, а я добавил:

— Но учти, если ты сегодня же не поговоришь с Кристиной, можешь вычеркивать меня из списка твоих друзей. Понял?

Ответом был тоскливый и длинный вздох.

* * *

После обеда раскопки пришлось отложить — до лагеря добралась машина из Большого Мира. Привезла почту, свежие газеты, продукты и два велосипеда. Голов пять «железных коников» у нас уже имелось, но лишние колеса не помешают.

Мне даже поплохело — я долго откладывал поездку на место гибели «двойника», находя себе оправдания, но теперь-то уважительные причины иссяк-

ли. Погода стояла хорошая, работы отменены до завтрашнего дня, и вот оно — средство передвижения.

Я долго искал Ломова, чтобы отпроситься, и нашел — командир восседал за длинным монастырским столом под растянутым тентом, где были свалены артефакты, и дул чай вприкуску. Вид у него был победительный, как у Кутузова, лично пленившего Наполеона Бонапарта.

— Паха, я отъеду до вечера к Бойне, ладно?

Павел в ответ величественно кивнул, вряд ли слыша вопрос — его душа витала в раю для влюбленных, где сбываются все мечты и самые заветные желания.

Овладев великом, я покатию его по тропе.

— Антон!

Я обернулся — и чуть не свалился под весом Кристины, бросившейся мне на шею.

— Спасибо, спасибо тебе! — зачастила девушка, перемежая всхлипывания с жаркими поцелуями.

— Осторожней! — засмеялся я. — Если Пашка нас застукает, то кого-нибудь придушит!

— Павлик сказал, что любит меня! — громко зашептала Кристина. — А ты куда?

Не знаю уж, что на меня нашло, то ли радость за друзей так подействовала, то ли, наоборот, зависть к ним разыгралась, а только я все выложил Кристинке — и про нечаянную встречу 9 мая, и про своего «двойника», и про точку, где пресекалась мировая линия Антона Лушина, политрука.

Незаметно я попал в окружение — Артем мне в рот глядел, а за спиной сдержанно сопел Павел. Коман-

дир по-прежнему был под любовным кайфом, но отблеск тайны пал и на него.

— Вот это ничего себе... — пробормотал он, едва я изложил свою историю. — Нет, ты прав, конечно, совпадение возможно, но математики меня засмеют! Хотя теория вероятности — штука вполне серьезная.

— Паш, — сказал я кротко, — все версии перебрал, даже самые дурацкие. Никаких связей между мной и тем Лушиным нет, кроме поразительного сходства. Я даже анализ ДНК сделал — мы с Дарьей Ивановной совершенно чужие люди! И все-таки какая-то смычка есть, почти на грани мистики, и в этом вся тайна!

— А если коротко? — почесал Тёма в затылке.

— Мне кажется, — медленно проговорил я, — что главный вопрос не в том даже, почему мы с Тосей Лушиным идентичны по телу, по почерку или по имени-отчеству, а зачем.

— Зачем? — приподнял брови Павел.

— Да, зачем! Чего для? Именно это я и хочу выяснить. Там, у озера, где почил мой «двойник». Я не собираюсь ничего копать или искать, я... Господи, да не знаю я ничего! Вот и еду..

— Мы с тобой! — решительно заявила Кристина.

— Мы с тобой! — эхом повторил Паха.

— И я! — присоседился Тёма.

Там же, позже

Проселок развивался пыльной лентой, катясь под узкие колеса великов. Старый Рукав мы оставили за спиной, едучи вдоль реки с пугающим

названием Бойня. Слева белокорые березы оттеняли темную хвою елок, шелестя ветвяными прядями, а справа тянулись заросшие бурьяном поля — колхозники перевелись, а других охотников землю ковырять не нашлось.

Лето разливалось лучезарным воздухом, в носу свербило от душных запахов вянущей травы, а небо раскидывалось над нами бездонностью выцветшей сини.

— А я б хотела попасть туда... — сказала Кристина, неторопливо крутя педали.

— Куда это? — благодушно спросил Павел.

— На войну, — спокойно договорила девушка, — в сорок второй год.

— Балда! — сказал Артем назидательно. — Не женское это дело — воевать.

— Да ну? — фыркнула Кристя. — А с поля боя вас кому вытаскивать? Лечить и в ряды ставить?

— А ты у нас кто по профессии? — поинтересовался я.

— Хирург, — ответила девушка. — Между прочим, в зоне боевых действий работала!

— Чечня?

— Ага. Войны уже не было, но КТО шла...

Пашка коротко хохотнул.

— Помнишь, я тебе в мае писал? — сказал он для меня, не поворачивая головы. — Про «эхо прошедшей войны»?

— А, это когда снаряд рванул?

— Ну! Так это Кристинка мне осколки удаляла! Да-а!

— Ржавые, грязные... — поморщилась девушка. — Фу! Так мало ему, он еще и сюда меня заманил!

— Вот и ты познала всю глубину его коварства, — сочувственно сказал я.

— Да ладно вам... — проворчал Ломов и вздохнул, теща себя воспоминаниями о первой встрече. — Хорошо еще, что в голову не прилетело!

— А, это не страшно! — хихикнула Крестя. — Рикошетирировало бы!

— Да ладно вам!

Я посмотрел вперед. О, первый ориентир! «Дуб-инвалид». Давным-давно у него отломился огромный сук, и раскидистое дерево скособочилось на века.

Проехав мимо, я разглядел слева от дороги огромный замшелый валун — еще одна примета, — и свернул на обочину. Наверное, в сороковые тут ничего не росло, потому «эмка» и съехала, а ныне шелестели березы чуть ли не в обхват.

Вырулив, я оказался на берегу небольшого озера, этакой жирной запятой, вытянувшейся к востоку. Плотная завеса деревьев прикрывала озеро, словно живой ширмой — с дороги не высмотреть.

— Купаться! Купаться! — воскликнула Кристина, бросая «взрослик» и подбегая к озерку. Попробовав ногой воду, она запищала: — Ой, какая теплая!

Тут уж все кинулись разоблачаться, и я в том числе. На минутку даже цель прибытия улетучилась из памяти — я погрузился в озерные воды, как в ванну. Никакой мути, на дне чистый песок. Камыши только-только начинали наступление, заболачивая отмель подальности.

Теплая влага не освежила, но сладостно омыла тело, закрепив ощущение чистоты. Стягивая вдох,

пеленая ноги бурлящими путами, водица услаждала.

Переплыв озерцо, я вышел на пустынный западный берег и присел обсохнуть на ноздреватый камень, нагретый солнцем.

Это случилось минуту спустя.

Левее меня, в каких-нибудь десяти метрах, вздыбился мерцающий гребень ослепительного сиреневого света, отчего померк солнечный день. Я заметил, как этот полупрозрачный частокол из фонтанов дрожащего сияния прочертил яркую оранжевую полосу по траве. Земля дрогнула, сдвигаясь «ступенькой» по ту сторону черты, обнажая слои тощей почвы с корявыми обрубками корневищ.

Тут мои босые ноги ощутили сотрясение — справа чиркнул по земле еще один «гребешок», застыло озеро и лес колеблющимися столбами холодного лилового огня. Две рыжих линии сошлись клином южнее — и полное безмолвие. Еще секунду назад я различал довольный визг Кристины, хохот Тёмки, уханье Павла, и вдруг — тишина. Хлопнул в ладоши — слышно.

В тот же момент будто прорвало. С высоты упал грозный рев моторов, зловеще завывла падающая бомба. Я видел, как ее серая туша врезалась в песчаный грунт, и тут же вздыбился взрыв. Тонны пыли, песка и комьев земли поднялись выше деревьев, толкаемые огнем и клубящимся дымом. Рвануло недалеко, там, где плескалось озеро. Вот только солнечные лучи не перебирали в истоме слабые волнишки, как давеча — водоема не было, а на его месте проседала глубокая промоина, заросшая тальником.

Я едва ощутил ударную волну — пихнуло, словно подушкой, а раскаленные осколки пролетали мимо, как в замедленной съемке, будто плоские камешки-«жабки», пущенные мальчишкой по-над водой. Повалившись в траву, я перекатился — и замер. Надо мною пролетал двухмоторный бомбовоз с крестами на крыльях. Рядом вился юркий истребитель — в глаза бросилась черная свастика, раскоряченная на киле.

«Тот самый “Мессершмитт”...» — проплелась мысль.

Бомбардировщик скрылся за деревьями, и вскоре воздух раскололся от пары новых взрывов, а со стороны дороги донеслось завывание мотора. С треском ломая подлесок, выкатился новенький «ГАЗ М-1» цвета сургуча. По мне, по поляне скользнула хищная тень — «Мессершмитт», взреывая мотором, виражил над лесом. Забили злые огоньки крыльевых пулеметов, и легковушку прострочила очередь. Посыпались стекла, задымил мотор — «эмка» как ехала, так и скатилась в глубокую воронку, дымившуюся удушливым желтым дымом. Я отмер.

Подброшенный силой мышц, кинулся к «эмке». Думать, соображать было нечем — вакуум в голове. Я двигался и действовал на голых рефлексах, подобно автомату.

Сбежав по сыпучему склону к перекосившейся машине, дернул заднюю дверцу, и она со скрежетом поддалась, обвисая на единственной уцелевшей петле. Я просунулся в салон — в носу защекотало от запаха бензина. На сиденьях раскинулись трое. Водителю почти снесло голову, дальнему от меня пассажиру разворотило грудь, а ближний...

На меня смотрел Антон Лушин — неживым, остановившимся взглядом, как у нарисованных глазок куклы. «Двойник» лежал на сиденье, откинув голову назад, руками обнимая набитый вещевого мешок, а на грудь ему свисал «ППШ».

Я с трудом вырвал «сидор» из цепкого хвата и отбросил за спину. Ухватился за безвольные руки «Тоси», вытаскивая наружу, поволок по склону наверх, уложил на траву. Бросился обратно к машине, чтобы выволочь и капитана Павлова, но тут, гулко разрываясь, лопнула канистра, мгновенно вспухая огненным шаром. Следом, едва слышные за ревом огня, раздались еще два хлопка, и машина полыхнула вся, от бампера до бампера, закручивая над собой пламенный вихрь.

Прикрываясь рукой от жара, я подхватил вещевого мешок и взобрался наверх. Отпыхиваясь, мало-помалу пришел в себя. На коленях подполз к «двойнику» — он был безнадежно мертв. Пуля калибром 7,92 мм ударила Тосю рикошетом в висок. Крови вытекло чуть, а душа — вон...

Я прислушался. Издалека доносились глухие, едва слышные раскаты — явно не гроза. Погромыхивала канонада на линии фронта, он здесь недалеко.

Тупо моргая, пропустил такую мысль спокойно, как будто события последних минут (или часов?) подготовили меня к произошедшему, к новому бытию, заранее смиряя с ним. Я сидел в полном бездействии, и не потому, что утомился. Просто набирался решимости — до меня стало доходить, *зачем* мы так похожи с моим «двойником»...

Внутри нарастало знакомое мучительное томление, я каждой клеточкой ощущал чудовищную дисгармонию, увязанную с местом гибели Тоси Лушина.

Избыть неприятное чувство вселенского разлада очень легко — надо просто встать и уйти. Но я остался.

Подняв взгляд к невинно голубевшим небесам, сильно вздрогнул: ясную лазурь пересекал двойной инверсионный след — там, надо мной, пролетал «Боинг» или «Эрбас». Прямой рейс Копенгаген — Токио. Так я где?!

Будто напоминая о себе, над чертой, испускавшей тусклый оранжевый свет, забили бледно-фиолетовые сполохи, сплачиваясь в слабенький, мне по пояс, «гребешок». Уже не частокол, а заборчик, он колыхался по высоте, прогоняя вялые синусоиды и опадая.

«Граница!» — похолодел я. По ту сторону — две тыщи девятнадцатый, по эту — идет война народная... Смещение времен.

Непослушными пальцами я развязал вещевой мешок и вывалил на траву свежее исподнее, новенькую гимнастерку и пилотку, мешочек с сухарями, несесер с бритвой «Золинген» и прочие причиндалы служивого человека.

— «За себя и за того парня», — пробормотал я, переживая спад болезненного напряжения. Мой выбор медленно, но верно возвращал миру утерянный лад.

Заторможенно содрал с себя плавки, смял их в комок и запустил в горящую «эмку» — синтетика для сорок второго неадекватна. Натянув подштанники и рубаху, я осторожно раздел «двойника», отмахиваясь от безгливости и прочих последов будущего времени.

Оделся, обулся — слава богу, нашлись свежие портянки, а размер у нас один. С подозрением оглядев фуражку — следов крови не видать, — натянул на мокрые волосы.

В нагрудных карманах обнаружили командирская книжка и партбилет. Отныне я — член ВКП(б)...

* * *

Тосю Лушина я схоронил в соседней воронке, обрушив пласт песка. Снял головной убор и дал в небо короткую очередь из «ППШ».

«Салют Мальчишу!»

Постоял минутку, помолчал и натянул фуражку. Автомат на плечо, вещмешок за спину.

— Прорвемся! — сказал с вызовом.

Лес зашелестел в ответ, колыша ветвями, словно желая удачи.

Из газеты «Красная Звезда»:

«СИРИЯ, 26 июня 2019 г.

“Ми-8”, взяв на борт поисково-спасательный расчет и боевое охранение в виде группы морских пехотинцев, вылетел с аэродрома авиабазы Хмеймим в направлении гор, где наши вертолеты работали по позициям боевиков. Когда машина поравнялась с вершинами горных хребтов, по ней неожиданно ударили пулеметы террористов.

Морпехи открыли ответный огонь с правого и левого бортов...»

Глава 2

Четверг, 23 июля 1942 года. День.

Калининская область, Ржевский район

Фантастические «гребни» угасли, пропали, как будто их и не было, лишь ровные уступчики повторяли «разметку» полос да кое-где в короткой тени «ступенек» дотлеvalo блеклое оранжевое сияние.

Переступать за черту я не решался и зашагал в ту сторону, где линии сдвигов расходились, — к дороге. Мне было очень беспокойно и попросту страшно. Смятение немного унялось, а вот тоски прилило изрядно. Ведь все мое недолгое бытие, пускай бестолковое, но хоть как-то налаженное и устроенное, пропадало за гранью веков. Моя квартира, друзья, Интернет, весь никудышный, но такой знакомый мир отдалялся на целую жизнь...

Неожиданно из-за кустов выскочила тощая немецкая овчарка, вся в репьях и колтунах свалывшейся шерсти. Поскулив перед чертой, калившейся медовым свечением, собака перемахнула сдвиг и потрусилась дальше по своим пёсьим делам.

Чертыхнувшись ей вслед, я вышел на дорогу. И сразу понял, отчего дуб получил инвалидность — толстенный сук в обхват оторвало взрывом, опалив кору

дерева. А прямо посреди дороги дымились остатки автобуса «ЗиС-16». Уцелел лишь передок, посеченный осколками. Раму перебило, а салон разворотило прямым попаданием.

Я оцепенел, глядя на рваные куски человеческих тел, разбросанные по пыльной дороге. Руки, ноги, головы... Сахарный излом костей, розовые лоскутья легких, черно-багровые лужи запекшейся крови...

Вонючий дым стлался над грунтовкой, и я не сразу заметил перевернувшуюся полторку, догоравшую в кювете, с жалко задранными колесами. На чудом уцелевшем борту висела надпись жирными белыми буквами: «...кий детский дом».

Лишь теперь моим глазам до конца дался зримый ужас — растерзанные тела принадлежали детям. Девочкам и мальчикам, от двенадцати до семнадцати.

— Ах, сволочи... — выдохнул я дергавшимися губами.

Юные граждане СССР даже не начали жить по-настоящему, а их — насмерть!

Я забегал по месту преступления, ища хоть малейшие признаки жизни, и не находил. На обгоревшей траве за огрызком кабины автобуса умирал пожилой шофер, скрюченными пальцами удерживая сизое сплетенье кишок, вывалившихся из распоротого живота. Лишь только я наклонился к нему, как дыхание страдальца пресеклось, а в глазах, что уставились в небо, в синюю прорву Вечности, застыл стеклянистый блеск.

Я устало выпрямился и зашагал по обочине к Ботнево. «Одному мне всех не захоронить, — со скре-

жетом проворачивалось в голове. — Еще бы человек пять с саперными лопатками...»

Следуя за мыслью, я глянул в сторону воронки, где догорала «эмка». Словно в кратере вулкана, в ней заворачивались клубы синей гари, скрывая свежую могилу Тоси Лушина. Дунул ветерок, относя чад, и я замер.

Краем блеснула гладь озера, а на бережку выстроились мои друзья — Паха в черных плавках, Артем в налипших «семейниках» и Крестя в соблазнительном бикини. Между ними и мной надрезала землю меркляя огненная полоса, фонтанировавшая слабеньким «гребнем», почти незаметным на свету.

— Не переступайте черту! — заорал я, отмирая.

— Да что происходит? — тоненьким голоском закричала девушка. Паша успокаивающе взял ее за руку.

Грузной трусцой сбежав с откоса, я замедлил шаг, жадно вбирая глазами облики моих друзей — на долгую память.

— Там, где вы стоите, тикает две тыщи девятнадцатый, — проговорил неторопливо, хоть и задыхаясь слегка, — а здесь, за чертой, сорок второй год. Антона Лушина я похоронил...

Бледнеющий Трошкин забормотал:

— Политрук умер. Да здравствует политрук! Ерунду говорю, да?

Мои губы повело вкривь.

— Чую, скоро все закончится, — вздохнул я. — Распадется связь времен...

— Хроноклазм! — выпалил Артем, блистая эрудицией. — Это когда прошлое вклинится в будущее... — Он смутился, бросая поспешно: — Ну да...

— Ты переоделся в форму... того Лушина? — вполголоса спросила Бернвальд.

Я кивнул.

— И понял, *зачем* вы так похожи?

— Не уверен, — мотнул головой в сомнении. — Но все так и должно быть. Я остаюсь.

— И мы! — решительно заявила Кристина, первой переступая черту. Пашка шагнул следом, не выпуская руки девушки.

Артем, испугавшись, что останется один, суетливо перескочил отсвечивавший сиреневым «гребешок». В то же мгновение вся цветомузыка погасла, а земля вздрогнула, выглаживая сдвиги.

Я глянул в небо. Пусто, ни следа от авиалайнера. Даже белесого выцвета от инверсионного шлейфа не видать.

— Что же вы наделали? — вздохнул я, опуская голову и глядя глаза в глаза — в синие Пашкины, в зеленые Кристинкины, в карие Тёмкины. — Теперь всё, назад дороги нет...

— Ну и ладно, — пожал плечами Ломов. — Не очень-то и хотелось! Ты, вон, в госкомпании работал, а я на босса вкалывал. Думаешь, приятно? Ну, натура у меня такая, пролетарская! А здесь все как надо: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Здесь война, Паха, — напомнил я ему.

— Ну и ладно! Да, Кристинка?

Девушка молча кивнула и улыбнулась.

— Наше дело правое! — воскликнул Артем, дурачьсь. — Враг будет разбит, победа будет за нами!

— Ладно, победитель, пошли! — резковато сказал я.

— Куда?

— Тут автобус с детдомовцами разбомбило, можете... — В моем голосе зазвучали грубые обертоны. — Хотя в воронку снесем, зароем в братской могиле! Прибарахлитесь заодно, а то вы, мягко говоря, не по моде одеты.

— С мертвых снимать? — дрогнула Кристина.

— Нет, — вымолвил через силу. — Я там чемоданы видел, по всей дороге раскидало...

Мы вышли к дубу. Трошкин, увидав кровавое месиво, позеленел и согнулся в рвотном позыве.

— Бож-же мой... — выговорила Бернвальд дребезжащим голосом. — Они же совсем маленькие!

— Ты тоже не дылда, — сипло выдавил Тёмка, — твой размерчик...

— Дурак! — рассердилась девушка. — Я не о том совсем!

— Не ругайтесь, — тихо сказал Павел, и Кристина покраснела.

* * *

Час или дольше мы сносили останки в воронку под дубом, а после долго отмывали руки. Сил закопать могилу не осталось совершенно.

Кристя нарыла в чемоданах тугошнее белье и простенькое ситцевое платье, я преподнес ей черевички и носочки, снятые с убитой девушки.

Затвердев лицом, Бернвальд обулась — и скрылась за дубом, переодеться.

— Плавки — вон туда, — показал я подбородком на коптящую полуторку.

— Фасон из будущего, — вздохнул Ломов, запуская галантерейное изделие в огонь, — ты прав... Как Кристя только выдержала, она же очень чувствительна...

— Не всегда, — сухо сказала девушка, показываясь за нашими спинами. — Хирургу брезговать нельзя никак, вот я и представила, что тут везде операционная... А тебе идет.

Паха смутился, подсмывая широченные, но кургузые штаны.

— Куцые какие-то...

— Ничего, — успокоил я его, — форму выдадут по росту.

— Ну, надеюсь... — проворчал Ломов, натягивая мятую рубашку из синей фланели.

Трошкину достались светлые парусиновые штаны и модная рубашка-апаш. А вот обуви не нашлось ни на Тёмку, ни на Пашку.

— Ничего, — бодрился Артем, — в Красной Армии сапоги, чай, найдутся!

— Тихо! — цыкнул я, расслышав натужный вой мотора.

Вдалеке, на повороте, завиднелась колонна — в ее голове тряслась и качалась полуторка, набитая красноармейцами. За нею двигались две или три «эмки», а замыкал кортеж новенький «Студебеккер». Наши.

— Слушайте внимательно, — завел я инструктаж. — Вы все помогали эвакуироваться детдому. Ваши документы сгорели. Называйтесь своими именами, как есть, только профессии скорректируйте — вы оба! Кристя — хирург, на фронте такие люди нужны. Пашка, ты, помнится, в артиллеристах служил?

— Два года, — подбоченился Ломов, — как с куста!

— Годится! А ты, Артем, забудь про компьютеры. С рациями справишься?

— Да легкота! — надменно фыркнул Трошкин.

— Ну, всё, гости дорогие, — усмехнулся я, — встречаем хозяев!

Полуторка, подвывая мотором, объезжала чадивший автобус. Кургузый «Виллис», пыля по обочине, вынесся вперед и замер прямо передо мною. Лихой водила, выпустивший роскошный чуб из-под пилотки, весело оскалился, но стоило бритоголовому пассажиру нахмуриться, как он тут же построжел. Лишь бесенята резвились в черных кавказских глазах.

А бритоголового я узнал. Генерал-лейтенант Лелюшенко, командующий 30-й армией. Развалисто покинув джип, Дмитрий Данилович огладил блестящую макушку, словно дорожную пыль сметая, и нацепил фуражку.

— Представьтесь, — буркнул он.

— Политрук Лушин. — Моя рука четко метнулась, козыряя.

— Докладывайте, товарищ политрук. — Командарм хмуро огляделся. Заметив братскую могилу, он болезненно сморщился.

— Следую в расположение 718-го полка 139-й дивизии, товарищ генерал-лейтенант. Направлен в 8-ю роту политруком. Во время авианалета нашу машину расстрелял «мессер». Комроты и водитель погибли. «Юнкерс» отбомбился по автобусу с мирными гражданами... Да какие там граждане... Виноват, товарищ генерал-лейтенант. Там дети... Спаслись лишь трое взрослых.

Лелюшенко поугрюмел, сжимая губы.

— Мы помогли эвакуировать детдом, — дребезжащим голосом заговорила Кристина. — Я сама хирург, крови не боюсь, но хоронить малышей... по частям...

Бледный Павел бережно обнял ее за плечи, а Трошкин, сжимая кулаки, шагнул вперед.

— Мы хотим на фронт, бить фрицев! — выпалил он со всей своей юной отчаянностью. — Возьмите нас, товарищ генерал! А не возьмете — партизанить будем!

Тёмкина горячность подняла генерал-лейтенанту настроение. Хмыкнув, он покачал головой и кликнул, не оборачиваясь:

— Ефрем Гаврилович!

В группе военных, покинувших «эмки», прошла короткая сумятица, и к Лелюшенко шагнул кряжистый подполковник, с лицом обветренным и грубым, словно вырубленным топором.

— Командир вашего полка, товарищ политрук, — кивнул на него командарм.

Цепко оглядев меня, комполка кивнул, сделав свои выводы, и протянул руку:

— Салов, Ефрем Гаврилович.

— Лушин, Антон Иванович. — Я крепко пожал сухую мозолистую ладонь.

— Побудешь пока за ротного, товарищ политрук, — сузил глаза подполковник, словно проверяя. — Справишься?

— Да, товарищ командир, — твердо ответил я.

— А эти гражданские. — Понизив голос, Салов кивнул в сторону моих друзей. — Ты видел их. Люди стоящие?

— Наши люди, — выдал я характеристику.

— Возьмешь в роту? — поднажал подполковник. — Под свою ответственность?

— Да, товарищ командир!

Переглянувшись с Лелюшенко, комполка дал приказ красноармейцам, и те посыпались из кузова полуторки. Пять минут отчетливой работы — и страшная могила покрылась аккуратным курганчиком.

— По машинам!

Команда разнеслась четко и ясно, но смысл ее доходил не сразу. Мне никак не удавалось опамываться, примкнуть к новому настоящему — ушедшее будущее не отпускало, держало цепко, связывая мириадами воспоминаний и привычек. Сознание отказывалось принимать окруживший нас мир за реальность, но лишнего времени, чтобы постепенно вживаться в явленное прошлое, не дано — мы ныряли в реку Хронос, едва умея плавать.

Я первым перемахнул борт «студера» и помог забраться Кристинке. Пашка с Артемом залезли следом. Ворча двигуном, грузовик шатуче тронулся, держась в арьергарде. Мы медленно проехали мимо черного костяка автобуса и дуба-инвалида, клонившегося над курганом, словно горяя.

— Мы всё правильно сделали! — вытолкнула Кристина, словно уговаривая себя, и мы с Пашкой и Тёмой разом кивнули.

Я обернулся, провожая глазами развилку, сизую от стелившегося дыма, и глянул поверх кабины. Позади разматывалась ямистая фронтовая дорога, а впереди... Война.